

Арсений Лебедев

Самый лучший день

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арсений Лебедев

Самый лучший день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67884785

SelfPub; 2022

Аннотация

История о безответной любви, что оборачивается разочарованием и огорчением

Содержит нецензурную брань.

Арсений Лебедев

Самый лучший день

Сажу на Московском вокзале, скоро приедет она – моя любовь и моя мечта, мой идеал красоты, о который сломали зубы многие смельчаки. Один мой приятель так и сказал, что к таким красивым сознательно не подходит, чтобы не уйти с разбитым сердцем. Сломаю и я, но потом. А пока сидел и ждал её. Притом специально не спал всю ночь, чтобы не опоздать и встретить вовремя, настолько сильно её ценил.

Если меня спросят, была ли в твоей жизни девушка, ради которой ты бы лёг на амбразуру пулемёта, то это будет она, простая красавица с простым русским именем Любовь – моё солнце, моя луна, моя мечта и моё проклятье. Та, о которой вспоминаешь, не только гоняя лысого по вечерам. Та, что затмила своей красотой всех до, затмит и всех позже, когда её рядом уже не будет. Второй такой нет, уже не найду. Она только одна такая, уникальный экземпляр, сочетание внеземной красоты и милости, ума и эрудированности, настоящее произведение искусства от природы. Это нечто не с нашей планеты, потому что у нас создать такую красоту точно невозможно. И это всё она в одном лице!

Пока поезд подходит, вспоминаю, как она впервые появилась в классе, как свела всех с ума. Перешла к нам в 10-ую школу из 6-ой, точнее спустилась с небес как ангел. Мы все

смотрели на неё как заворожённые, так как наша alma-mater не отличалась никогда наличием таких красавиц. В этом плане 6-ой школе повезло. Из класса, откуда Люба перевелась, половина годилась в богини красоты. А к нам когда это чудо пришло, у нас, у парней челюсти отвисли. Мы тут же начали к ней приставать, стараясь, чтобы она обратила внимание хоть на кого-то. Люба же, казалось, вся ушла в учёбу.

Почему она была самой красивой? Да это сложно объяснить, описывая внешность. Проще сказать, что в Древней Греции согласно концепции калокагатии человек, обладавший исключительно божественной красотой, всегда освобождался от наказания, так как красота внешняя означала красоту нравственную. Потому, по мнению греков, внешне прекрасные люди априори не могли совершать преступлений. Так вот согласно концепции калокагатии Люба была безгрешна. В её лице просто всё было идеальным, абсолютно всё. Увидишь – так и хочется поцеловать. И пусть у неё не было ни сисек как у Памелы Андерсон, ни задницы как у Дженнифер Лопес, зачем ей это всё, когда пропорции лица, симметрия, размеры и соотношения были просто математически точными, будто она была создана сыграть роль Елены Троянской в «Илиаде» или какой-нибудь Василисы Прекрасной. Да за ней продюсеры по всему миру должны гоняться, чтобы она сыграла, например, Наташу Ростову, пусть не в актёрском таланте, но во взвешенной красоте превзойдя и Одри Хепберн, и Людмилу Савельеву вместе взятых. Просто

смирись мир – она была самой красивой. И ни до, ни после такой второй уже не будет. Даже если у неё появятся дочери, ни одна из них не станет сравнимой с ней, ибо Господь посылает такой подарок миру только раз в тысячу лет, и я счастлив, что её не узрели все. Лишь только самые достойные могли её увидеть.

Родители Любы, чувствуя в дочери потенциал не только первой красавицы мира, но и умницы-разумницы старались сделать из неё идеального ребёнка. Впрочем, лукавлю, когда говорю, что старались. Они верили и знали, что она самая лучшая, потому гордились этим. Даже когда проходили родительские собрания, её мать не переставала повторять, что у неё идеальный ребёнок. Именно про неё я писал, рассказывая, что они с Дашиной мамой сталкивали дочерей лбом в попытке доказать друг другу, что они – лучшие матери, раз их дочери гениальны. О том, как это повлияло на Любу, не знаю, но плохо о своей матери она в отличие от Даши никогда не говорила. Другие всегда отмечали в ней нотки некоторого высокомерия по отношению к другим при общении, так что бесследно воспитание идеального ребёнка точно пройти не могло. Но что я точно помню, как раздражались с таких заявлений её матери мои и другие родители, да и мы – её одноклассники, так как никто из нас второсортным биомусором тоже быть не хотел ни в чужих глазах, ни в своих, ни в чьих бы то ни было, когда смотрелся в зеркало.

Но то будет потом, а пока мы не переставали приставать к

ней в попытке заставить обратить на нас хоть какое-то внимание. Ну и, конечно, переусердствовали, занимаясь по факту шеймингами, буллингами и Борисами Юлингами. Как-то раз мы с одним моим одноклассником даже устроили за ней слежку, дабы выведать, где она живёт. Выглядело со стороны это глупо, потому что при выполнении разведывательной задачи мы ржали как кони, и, разумеется, она нас заметила, быстро скрывшись с глаз долой. О том, где она жила, я узнал только через шесть лет.

Выныривая из омута памяти, я снова оказываюсь на вокзале, выхожу на вторую платформу. Поезд должен прибыть с минуты на минуту. Она уже пишет мне в мессенжере, что подъезжает. Читаю это с улыбкой и с нетерпением жду появления состава. С последней нашей встречи не видел её уже целый год. Интересно, как сильно она изменилась?

Что я точно помню, в восьмом классе она преобразилась. В худшую сторону. То ли ей, то ли её матери, то ли дебилу-парикмахеру хватило ума поменять Любе стрижку. Весь седьмой класс она ходила с прекрасными длинными локонами, очаровывая всех, когда расчёсывала их на перемене. А теперь всю эту красоту состригла. Да не просто, а ещё и сделал идиотскую на вид причёску. Лучше всего про неё высказался один из наших одноклассников Вадим. Когда увидел её в раздевалке, сразу прибежал в класс и, смеясь, сказал, что Люба подстриглась «под псину». Вот так грубо. Но на деле всё оказалось ещё хуже. Выглядела её новая короткая

причёска, будто стрижка средневекового монаха а-ля монах Тук из Робин Гуда. Из самых безобидных ассоциаций на ум приходит только ведущая новостей на НТВ Лилия Гильдеева со своими короткими каре, больше похожими на котелки. Но, пожалуй, самым смешным будет сравнение с Альфредом Хичкоком, когда для одной из своих фотосессий, мол, он пятый участник группы «Beatles», Хичкок сфотографировался со смешным париком на голове. Вот тот парик и был Любиной причёской в течение всего восьмого класса, грубо говоря. Справедливости ради стоит заметить, что Люба сама ту причёску ненавидела. Её так мать заставила подстричься. Позже она вспоминала это с иронией, называя не только причесон, но и подбор одежды стилем Д Артаньяна. Но это уже не важно, потому что с тех пор за ней окончательно закрепились клички псина и пудель. Вторую ей тоже придумал Вадим, кстати говоря. Так началась её травля в школе, в которой я принимал самое непосредственное участие по собственной глупости, по собственному невежеству.

Почему? Ну, учитывая то, что я ещё с 4-го класса был объектом травли, то мне очень хотелось от этого клейма избавиться. Тогда решил, что проще всего это сделать, участвуя в травле других, чтобы фокус внимания сошёл с тебя. Как вы поняли, Люба тут со своей причёской пятого Битла оказалась как нельзя кстати. С другой стороны врать вам не буду, я был в неё влюблён, как и все мальчишки в классе, наверно, а может, и в школе среди наших сверстников из парал-

лели. Не уверен даже, что среди её тайных воздыхателей не было девочек. И единственным способом обратить на себя внимание, как мне казалось, была возможность приставать к ней. Моя личность из-за этого была буквально разорвана пополам, будто у Хельги Патаки из мультсериала «Эй, Арнольд», где утром я в школе откровенно издеваюсь над ней под одобрительные возгласы приятелей, а вечером, лёжа дома в кровати перед сном мечтаю, как под венец её поведу, презирая себя за то, что творил днём в школе.

Доходило до смешного, когда ещё вчера издевался над Любой, а уже сегодня на олимпиадных сборах (я был на истории, она на русском языке) делился с ней принесёнными из дома сладостями, чем выдавливал из неё улыбку умиления вместе с тлевшей в глубине её разума надеждой, что я не такой кретин, каким выгляжу со стороны. Всё-таки не такой плохой ваш покорный слуга, когда рядом нет моих «друзей».

Один раз я перешёл через все рамки дозволенного. При каких обстоятельствах это сделал, не помню. Но последствия отпечатались на всю оставшуюся жизнь. Я просто так без причины надавал ей пощёчин под одобрительный гул «друзей». Сначала она была шокирована, ничего не сказав, никак не отреагировав. А потом плакала прямо на уроке; я же от злости найти себе места не мог, сломав от напряжения линейку, пока она слёзы проливала. Попутно ненавидел сам себя за совершённое и спрашивал: «А зачем я это сделал с ней?» Её школьная подруга Юля спросила Любу:

– Ну, урод он. Чего ты плачешь? Из-за него? Не стоит...

– То и плачу, что теперь не то что с ним, а даже с остальными общаться не смогу теперь... – это она про моих друзей говорила, которые в этот момент хихикали, говоря, какой я молодец.

Ваш покорный же слуга в этот момент разглядел в ней то, что она, казалось, и сама скрывала за маской высокомерия, что подарила ей мать. Люба была не такой, как она. Люба оказалась в действительности лучше, добрее и... Приземленнее. Она не была тем пупом земли, «идеальным» ребёнком, какого стряпала из неё мама. Внутри сидел, простой, милый и добрый человечек, не желающий никому зла и готовый со всеми говорить, как с равными, не глядя ни на кого свысока исподлобья. И это чертовски великий дар, данный не каждому в наше тяжёлое время.

Если же вновь о моём раздвоении личности в духе Эльзы Патаки, сохнувшей по Арнольду, буквально за месяц до этого после очередных моих приставаний с издевательствами Люба показала всему классу мою переписку через SMS с ней, где я признавался ей в любви. А потом спустя время я делаю это. Притом даже не в качестве мести, а просто потому что хочу, да и «друзей» надо было повеселить. Вот так вот от любви до ненависти, как говорится... В этом весь ужас! А что до переписки, то, конечно, было обидно, но не смертельно. Меня даже не задело почти, учитывая, что реакция одноклассников на слив была... Да плевать им всем было.

Вот и мне тоже. А Люба... Ей досталось несоразмерно больше от меня. Так что грех на неё обижаться, учитывая, что слив переписка без разрешения – сама по себе вещь крайне некрасивая..

К моему величайшему счастью она была незлопамятная. Уже через несколько месяцев наше общение нормализовалось. То было в восьмом классе, а уже в девятом разговаривали так, будто ничего и не произошло. Перед этим, конечно, моим родителям звонили её родители, потом её парень приходил разбираться, но всё в итоге вышло из этой истории слишком непростительно просто и легко для меня, словно с гуся вода. Даже как-то удивительно.

Дошло даже до того, что в десятом уже классе, когда Люба решила перевестись обратно из школы десятой в шестую, я её уговаривал остаться, сетуя, мол, я больше никогда к ней приставать, донимать не буду. Но это не помогло. Как потом рассказала, она ушла совсем по другим причинам. Очевидно, я был слишком мелкой для неё рыбёжкой, чтобы бежать с тонущего корабля, как крысе. Но лично я в этом винил и себя в том числе, да и чьей красотой мне теперь восхищаться? С тех пор я потерял её на целых три года.

Тем временем к платформе подходит поезд. Я с довольной улыбкой отхожу чуть назад, и передо мной проносятся вагоны, полные народу, вглядывающемуся в окна в поисках встречающих. Жду нужный вагон, а он быстро проносится перед мной, да так, что даже не успел заметить, смотрит ли

она из окна, чтобы найти меня. Пришлось идти следом за уходящими вагонами, чтобы догнать и встретить у самого выхода. Самой очаровательной – самое лучшее отношение с моей стороны!

Пару слов о её парнях. Тут уже вкуса у неё, конечно, никогда не было. Ты то думаешь, что первой красавице мира нужен настоящий голубоглазый, высокий, мускулистый, истинный ариец с широкой челюстью и спортивным телосложением, светлыми волосами и голубыми глазами, с IQ не ниже 120 обязательно – одним словом сверхмужчина для сверхженщины. А там были, как говорят сторонники небезызвестного Владислава Позднякова, соевые омежные куколды. Ну, серьёзно! Тот, кто меня искал, например, был двухметровой колышашейся на ветру спичкой и голосом как у манерного гомосексуалиста, второй был настоящей эмочкой из ностальгического 2007 года, третий, кого я знал, выглядел рожей как Квазимодо, а четвёртый с ярко выраженными характерными для семитов (евреев, арабов) чертами, такими как длинный нос, монобровь и чёрные кудрявые волосы. Впрочем, если вы подумали про какого-нибудь шейха из Дубаев, то нет. Он явно небогат, тощий как спичка, выглядящий так, что свалится не то, что от одного удара, а даже от маленького порыва ветерка. Короче, вкуса к настоящим мужчинам у неё нет! И я, увы, под образ идеала для первой красавицы мира тоже не подхожу, но все эти чучела, что обитали и обитают ныне рядом с ней... Это просто убожества!

Я же по большому счёту и никогда не надеялся с ней быть. Особенно после того, что было в школе, да и вообще такая красotka и со мной... Странно было бы, если она меня простит за всё, что творилось тогда. А я и не надеялся на прощение, ожидая, что если и пересечёмся вновь невзначай, то взгляд с её стороны будет полон презрения и высокомерия. А Люба простила. И когда мы начали с ней общаться вновь спустя три года и даже вместе гулять, это было чертовски поразительно! Я удивлялся этому, ведь после всего того, что между нами было, тяжело простить. А она пошла навстречу и довольная констатировала про меня: «Люди умеют меняться...»

Изменила отношение к моей персоне и её мать. Когда я Любу в школе обижал, считала меня отбросом, наверно. Потом в девятом классе заставил её удивиться тому, что взял призовое место на городской олимпиаде по истории. А теперь же она и меня гениальным назвала в личном разговоре, когда приходил к ней по делам (Любина мама была кардиологом и лечила моего отца). О, как! Сначала гениальным был только её ребёнок, а теперь ещё и я. И давай, дорогой читатель, выведем эту книгу в тренды мировой литературы, чтобы она лишний раз убедилась в том, что была права, назвав меня гениальным. Нам с вами это по силам, да и мне будет приятно от звания живого гения!

Но шутки в сторону, ведь снова начав общаться с ней, я вдруг осознал, что с прощением у меня выдался удивитель-

ный шанс попытаться счастья и начать с ней серьёзные отношения. Так просто эта идея взяла и засела у меня в голове, и не выбить её было ни деревянным колышком, ни стальным клином. Когда гуляли с ней вдвоём, не мог оторваться от неё, не мог не восхищаться её улыбкой, глазами искрящимися от радости быть живой и получать удовольствие и от жизни, и даже от простого общения с человеком, которого она презирала ещё несколько лет назад.

Так я и оказался в этот знаменательный день здесь на платформе Павелецкого вокзала, ожидая, когда она выйдет, чтобы провести с ней прекрасный день, несмотря на то, что он должен бы казаться мне пасмурным из-за того, что всю ночь не спал, лишь бы не опоздать к приезду. Сегодня я собирался провести день с девушкой, от которой без ума, и счастью моему не было предела.

И вот Люба выходит из вагона, а я тут как тут. Беру её сумки. Она перешагивает с вагона на перрон. Мы обнимаемся.

– Привет, Люб.

– Привет.

– Как доехала?

– Нормально. Долго меня ждал?

– Ждал бы вечность, если потребуется.

Она мило ухмыльнулась.

– Не смущай меня.

– Постараюсь, но сложно умолчать, чтобы этого не сделать, – и это честно.

Вот мы уже едем домой к Любе. Она снимала комнату в сталинке в центре Питера у метро «Достоевская». Я попутно рассказываю обо всяких интересностях, она делится со мной своими наблюдениями. Такое чувство, что мне ещё ни с кем до этого прежде не удавалось так легко и непринуждённо общаться на любую тему, даже затрагивая секс без всякого дискомфорта с её стороны! А это для неё, старавшейся всегда строго соблюдать в глазах других людей высокоморальный нравственный облик, сколоченный ей же самой и матерью, это был, возможно, настоящий подвиг.

До жилья ехали полчаса, а для меня время прошло как пара минут. Я ещё её обществом насладиться не успел, а уже сидим у неё дома, где она мне вдруг заявляет усталым голоском:

– Слушай. Я помню, что мы договаривались погулять сегодня, но я очень устала с дороги. Может, в другой раз?

«Ну уж нет!» – кричу я сам себе. Слишком много планов могло пойти наперекосяк в таком случае. И главный из них – кровь из носа понравиться ей, соблазнить, ведь то есть мой звёздный час – не факт, что не последний в жизни.

– Ты серьёзно?! – возмутился я.

– Ну, прости...

– Слушай, ну давай погуляем хотя бы пару часов. Нетрудно же?

– Ну, я правда устала...

Тогда встаю перед ней на колени.

– Пожалуйста!

Она в этот момент опешила от неожиданности, даже шокирована, пожалуй, была. У неё и глаза резко выпучились, и зрачки расширились. Этим, очевидно, застал её врасплох, но не помогло.

– Я серьёзно не могу.

В этот момент во мне включается режим праведного гнева.

– Значит я сегодня всю ночь не спал, чтобы вовремя встретить тебя на вокзале, а ты даже не можешь со мной провести хотя бы пару часов? – с гневным взглядом, но умилённой улыбкой посмотрел на неё, ожидая, что сломается. Если нет, то отступлю, конечно. Если да, то хвала небесам!

– Ладно, только линзы контактные сполосну...

«Да!» – кричу от радости про себя, готовый счастливым прыгать так высоко и громко, что соседям снизу несдобровать – с проломленным потолком жить же будет непросто...

Вместо этого удивлённый спрашиваю:

– Ого, у тебя линзы?

– Да, – Люба широко раскрывает складки век, чтобы лучше было видно глазное яблоко. Показывает, как на нём сидит одна.

– А у меня вот! – показываю свои.

Она то знала, что я очкарик со стажем, и ношение линз не должно было удивлять, а вот для меня то, что она ходит в контактных линзах, оказалось шокирующим открытием. Я всегда думал, что у неё хорошее зрение в целом, не считая редких моментов, когда нужно носить очки. А тут вот оно что! Поразительно! Знал её больше семи лет, и только сейчас она рассказала, что звучало как гром среди ясного неба. К слову, рассмотрел вблизи её очаровательнейшие глаза. Серые. Вот бы увидеть их блеск, когда вместе будем просыпаться в одной постели...

А пока я мечтаю, уже едем на метро до торгово-развлекательного центра «Галерея». По пути подмечаем какие-то забавные вещи и вместе смеёмся над ними. Я смотрю на неё, она поглядывает на меня. Такое чувство, что мы друг другу самые родные люди. И знаете... Не в курсе, как она ощущала нашу встречу тогда, а лично я бы так мог всю жизнь с ней провести, и никто другой не нужен. Рядом с Любой мне было хорошо и легко. Я не стеснялся, не боялся быть занудным. Никогда бы, учась в школе, не подумал, что смогу быть ей интересен, как минимум, в качестве собеседника. И это, знаете ли, чертовски классно.

Когда приехали в торговый центр, веселились от души, проведя время на игровых автоматах, сыграв несколько партий в аэрохоккей. А потом был бильярд. Кажется, это ей особенно зашло, учитывая, что я далеко не Ронни О`Салливан,

ведь она абсолютно честно выиграла две партии из четырёх, чему была несказанно рада. Да и я был счастлив, глядя на то, как она светится от искренней радости аки новогодняя ёлка. У меня буквально гора с плеч упала, ведь раньше я только и умел её до слёз, страданий и ненависти доводить. Теперь же она счастливая улыбалась, и от этого мне на душе было невероятно тепло!

А ещё Люба любила играть со мной в шахматы. Ну как сказать, любила... У нас была всего одна партия, где я победил. После проигрыша она с довольной улыбкой обещала мне поднять свой уровень игрока, чтобы потом играть на равных. Увы, уже не получится, но ей понравилось, и это было видно. И знаете, это несказанное счастье видеть, как человек, от которого ты без ума, счастлив, находясь рядом с тобой. Ты будто банку «Red Bull» выпил и взлетел как в рекламе, будто Икар всё ближе и ближе к солнцу, но воск не тает, потому что на высоте птвичего полёта прохладнее, и это крепость крыльев только улучшает.

Закончив играть, мы покушали в кафешке, а потом пошли гулять по Питеру. Ходили долго, вспоминая школу, учителей, одноклассников. Как один в первом классе проглотил таракана, второй нарисовал учителю труда на спине нехорошее слово, а третьи вообще устроили настоящую вакханалию на классном часе, начав кидаться бумажками друг в друга, а по итогам заставив завуча отвлекаться от своих дел и давать нам по шапке за устроенный беспредел. Она воспомина-

ла, как становилась лучшей на олимпиаде по русскому языку, и как наша учительница русского стала по отношению к Любе намного более проницательной, чем к остальным ученикам. Но когда отличница отказалась выступать на очередной олимпиаде, отношение резко изменилось в сторону безразличия и прохлады. Вспоминали, как учительница математики ездила по различным педагогическим конференциям вместо того, чтобы учить нас тригонометрии. Как учитель истории пришёл на урок вдупель пьяным. И хоть сидели в школе на разных партах, казалось, все годы провели вместе. Но не было уже ничего плохого между нами, что раньше превращало нас в собаку и кошку. И за её способность прощать и помнить только лучшее я готов в знак благодарности целовать её руки и колени.

Вечером разошлись. Она поехала домой, я к себе, и душа моя пела песни об этом прекрасном мире в стиле Луи Армстронга. До встречи с ней я действительно не спал всю ночь, и заряда бодрости после свидания с Любой мне хватило ещё и на два часа игры в бадминтон с сестрой, настолько окрепчало моё тело, настолько освежился мой разум после встречи с Любой.

Так могло всё красиво закончиться, если бы не одно но. Незадолго до прощания она похлопала меня по плечу и ска-

зала:

– Ты хороший друг.

Я, конечно, расстроился тогда, но значения этим словам придавать не стал. В конце концов только-только заслужил прощение и уже понадеялся, что она сию же минуту в меня влюбится? Так что тогда это признание пролетело мимо меня, а на следующий день проснулся, и будто стукнули как обухом по голове. «Как это друг?» – не находил я себе места: «Неужели она будет настолько холодной, что даже не даст мне шанса себя проявить и понравиться ей, всё время соблюдая дистанцию?»

Конкретно тогда сразу же навязывать себе не стал, но с каждым следующим разом она всё больше давала понять, что слишком близко к себе меня не подпустит, как ни старайся. И чем сильнее проваливались мои попытки понравиться ей, тем больше огорчался я.

Вообще в такие моменты (кто испытывал, не даст соврать) начинаешь явственно ощущать смысл выражения «от любви до ненависти...». Но нет, я не стал её ненавидеть. Просто вдруг в образе идеальной девушки, что и умом блистала, и красотой, и скромностью, и светом жизни, и теплом счастья, я вдруг начал обнаруживать изъяны. Существенные.

Начать нужно ещё с того, что мне сказал как-то один одноклассник, когда она уже перешла в шестую школу:

– Да знаешь... Люба же меняет парней, как перчатки! Вот зачем тебе она?

– А ты откуда знаешь? – спрашиваю я в ответ, сильно удивлённый.

– Да просто так кажется.

Он то, конечно, тогда это говорил с единственной целью: чтобы меня успокоить, чтобы я не преживал из-за того, что она уходит. Но эта фраза про парней и перчатки позже начала меня наталкивать на мысль: а не пользуется ли она мной? Мысль сама по себе абсурдная, так как мешки на горбу ворочить Люба не заставляла, наоборот, всегда отзываясь, когда мне нужен был синтезатор (она мне его дала на время), а у отца были проблемы с сердцем (Люба несколько раз давала телефон матери для лечения). И это только два ярчайших примера.

Позже я начал замечать, что у нас и позиции в мировоззрении не совпадают. Она была либералкой до последней клеточки своего тела, я же больше склонялся к консерватизму. Например, когда Люба узнала, что ваш покорный слуга был одним из тех, кто подписывал петицию о запрете Евровидения с целью не дать одной австрийской певичке с колбаской между ног выступить в эфире российского ТВ, она взорвалась праведным гневом, мол, так нельзя, и Кончита Вюрст тоже человек. К тому же в то время как я тогда был ещё пока большим сторонником Путина, она же ни присоединения Крыма не приняла, ни войны на Донбассе. Вот и на этой почве у нас были недопонимания. С каждым днём ситуация прояснялась всё больше: мы были слишком раз-

ные. Она либералка, я консерватор. Это всё равно, что быть морячкой и моряком, рыбачкой и рыбаком. Я на суше, она на море, и нам не встретиться никак, как пелось в одной небезызвестной песне.

К тому времени идейные разногласия накапливались всё сильнее. Но нет, мы не ругались. Спорили, но не ругались, рассуждали, но никогда не крыли друг друга бранью, разбивая графины об головы, как делали художники и поэты из числа футуристов в начале XX века. Но, тем не менее, это всё равно было тяжело – осознавать, что человек, которого ты любишь, отдаляется от тебя разумом и воззрением. Также я не сказал главного. Мы жили в разных городах. Будучи 24 на 7 рядом с ней, мне бы легко удалось заставить её пересмотреть взгляды путём частых бесед, но мы были далеко друг от друга, общение через социальные сети же создаёт свои определённые трудности при коммуникации.

И да, я прекрасно понимаю, что рассчитывать на отношения человек из условного Орехово-Зуево с девушкой из условного Рио-Де-Жанейро может только в том случае, если он идиот и не дружит с реальностью. То будет вам ещё одним доказательством того, как Люба вскружила мне голову. А ещё можете представить, как я прыгал от счастья, будто щенок при виде хозяина, когда она приезжала ко мне. Более того, вспоминая песню про «готов целовать песок, по которому ты ходила», я у себя дома целовал сиденья стульев на которых она сидела. Со стороны это может показаться поме-

шательством, но то есть ещё одно доказательство, что я действительно сходил от неё с ума.

Но, разумеется, так вечно продолжаться не могло. Общение на расстоянии не оставляло мне шансов. Постоянный страх, что кто-то перехватит её, добавляло некой нервозности. Представьте только себе это помешательство, когда ты каждый день заходишь в её социальные сети, профили в Instagram, VK, Facebook и т. д., чтобы аки Шерлок Холмс определить, есть ли у неё кто-то или нет даже по самым малейшим намёкам. Вскоре мои плачевные навыки сетевого детектива оказались не удел. Она сама выложила фото, и вы не представляете, в какой я был ярости!

На снимке её руку лапала чья-то волосатая и костлявая, когтистая шупальца, и я даже не знаю, что омерзительнее можно придумать, дабы описать мои чувства, когда я понял, что её нежные маленькие ручки трогала какая-то мерзость, какое-то ничтожество. Называйте это как хотите: ревностью, безумием, собственничеством – мне плевать! То, что её трогает другой, привело меня в ярость. И удивляться тут не стоит. Даже если бы это был Брэд Питт или Райан Гослинг, я и этих секс-символов Голливуда спокойно назову чертями, дотрагивающимися до святого! Так всегда и бывает, что когда твою любимую девушку у тебя отбирает другой, он тебе представляется не образцом мужчины, а вонючей дрянью. Вспоминаешь в этот момент фильм «Троя» Вольфганга Петерсена монолог Менелая Елене, когда тот почти сразил Па-

риса в поединке перед началом первой батальной сцены.

– Смотри, Елена! И вот с этим ты убежала от меня?! – в ярости кричал Менелай, и то же я был готов крикнуть Любе, после того как с радостью размозжил бы голову той мрази, что дотрагивалась до неё. Равно ещё и всех тех, кто посмеет говорить, какое я право имею смотреть на неё как на собственность? Ведь мы даже не пара, ведь она – свободная женщина! Плевать на то, что кричат в основном только ничтожества, жалкие пустышки! Моя ярость воистину безгранична, когда нужно доказать львице, что ты вожак в прайде. Остановит меня тут только смерть.

Но так произошло бы, коль жил б я с ней в одном городе. А я был в другом почти за полторы тысячи километров от неё. В собственном бессилии сумел только написать ей:

– Что это за волосатая клешня тебя трогает?!

Она ничего не ответила. Просто забанила меня во всех социальных сетях. И на этом всё. Я потерял её раз и навсегда. Добавить к этой катастрофе больше нечего.

Единственное, что узнал потом, так это про её парня. То был тощий поганец с чёрными, кудрявыми сальными паклями на голове. Внешне походил на жида, а я знаю о чём говорю. У моей племянницы двоюродной муж еврей. И нет, я не антисемит. Но вот этот вот гад, вот это убожество, вот эта гадость... Он точно жид! Просто потому что владеет тем, что по праву должно достаться мне. Добавить тут опять же нечего. Можно только посмеяться над тем, что хорошего вку-

са на мужчин у неё так и не появилось. Один был костлявой дылдой, другой эмобоем, третий кривоzubым чудищем, а этот... Промолчу, а то, боюсь, наговорю себе на статью за оскорбление мерзопакостных паршивых уродцев, пародирующих мужчин.

Что самое обидное, я был бы и рад видеть в ней недостатки, но её идеальные внешние данные, будили во мне спящего античного мыслителя и законодателя, придумавшего калокагию. Правда такова, что я ведь был готов прогнуться под неё, соглашаться с ней во всём, плевав на любые противоречия и даже на собственное мнение, лишь бы Люба была моя. Любой её недостаток я нашёл уже потом, когда мы разошлись на такой отвратительной для неё ноте. Может быть, подумала даже, что я остался прежним моральным уродом, как она любила меня называть в школе за травлю. И всё плохое, что находил в ней, мне было на это на самом деле плевать! Я лишь успокаивал себя перед лицом очевидного фиаско, повторяя из раза в раз: «Да и не особо много ты и потерял...»

На деле же все мои попытки успокоиться и смириться были равноценны припарке для мертвеца. Она отныне не моя, и это мой личный маленький конец существования человечества, ибо только от неё исходил по-настоящему живительный свет. Люба была моей ярчайшей, согревающей душу и очищающей разум звёздочкой. Именно её красота заставляла меня глупо улыбаться, расплываясь в милости, будто рас-

таявший в вафельном стаканчике пломбир. Именно её тихий, мягкий и размеренный голосочек был по сласти равносильен всего одной ложке самого вкусного, самого сахарного мёда. Именно её кроткий характер, её способность простить и улыбнуться мне, тому самому моральному уроду из школы, заставила вашего покорного слугу поверить в себя и поверить, что он ещё стоит чего-то, что он не такой уж и плохой, но имеющий право на второй шанс. Простив меня, она разглядела то, что во мне и сегодня не хотят видеть другие: просто хорошего, доброго и отзывчивого человека.

Она могла стать Гердой для Кая, растопив своей любовью застрявшие в глазах и сердце ледяные осколки. Но теперь уже поздно, она не придёт и не спасёт меня. Я навсегда останусь заточённым в плену снежной королевы, став чёрствым и циничным, холодным и бездушным, как ледяная сталь острого как бритва ножа. Света в конце этого тоннеля уже не будет, да и не нужно. Я привык жить в слепоте, научившись слышать и осязать. Но память...

Из памяти её образ, её волшебную, сказочную красоту не сможет стереть уже ничто. В моём холодном сердце и моём тлеющем, но, к счастью, не гаснущем воспоминании она навсегда останется со мной той же, какой я её запомнил в самый светлый и счастливый момент для обоих. И это для меня самый большой подарок от неё. От моей Любы – воистину самой прекрасной женщины на земле!